

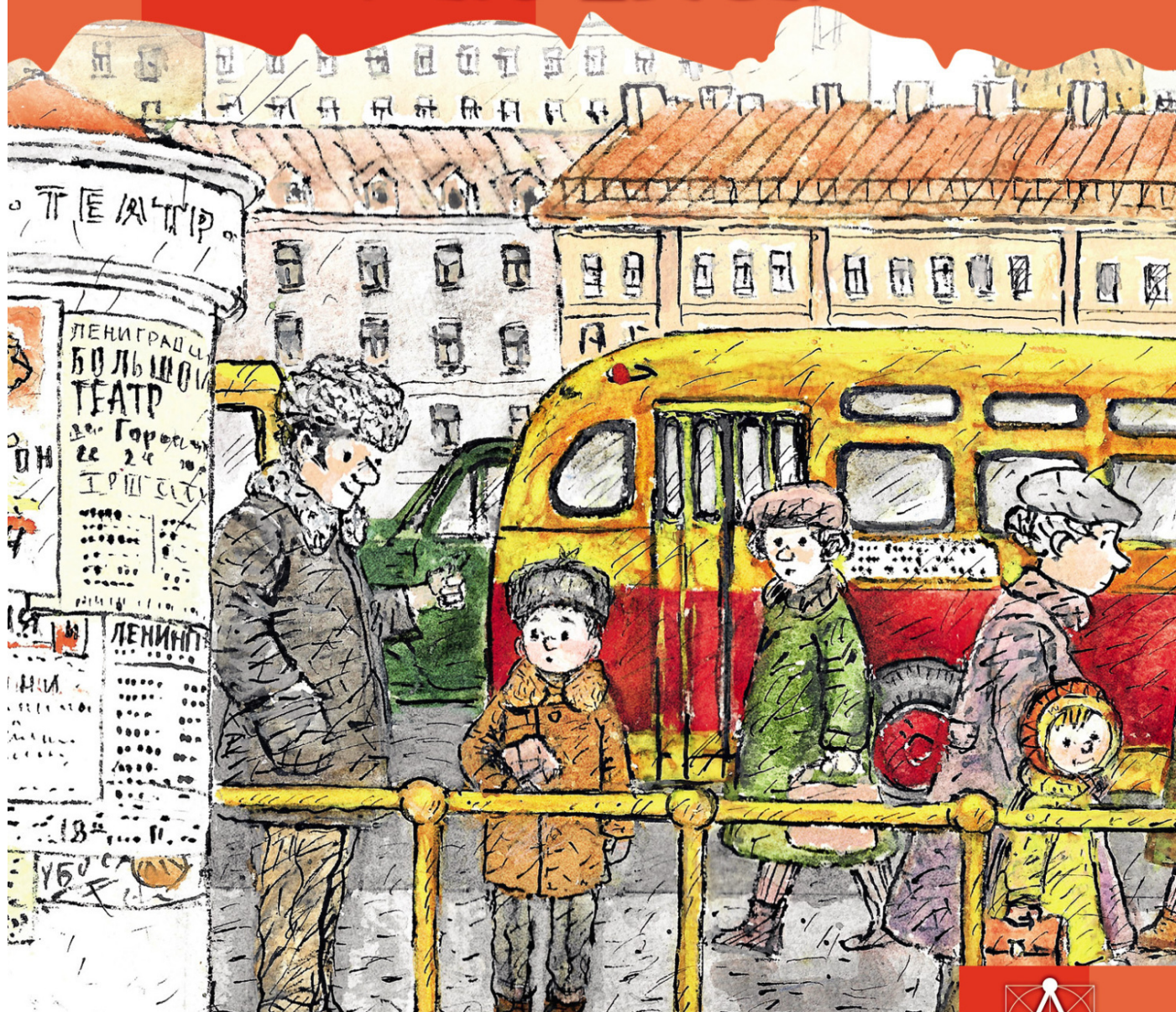

**ДЕТСКОЕ
ЧТЕНИЕ**

Рядий Погодин

КИРПИЧНЫЕ ОСТРОВА

**РАССКАЗЫ ПРО КЕШКУ
И ЕГО ДРУЗЕЙ**

Произведение печатается без сокращений

Детское чтение (АСТ)

Радий Погодин

**Кирпичные острова. Рассказы
про Кешку и его друзей**

«Издательство АСТ»

1958

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Погодин Р. П.

Кирпичные острова. Рассказы про Кешку и его друзей /
Р. П. Погодин — «Издательство АСТ», 1958 — (Детское чтение
(АСТ))

ISBN 978-5-17-152309-1

Повесть «Кирпичные острова» стала одной из первых в творчестве известного детского писателя Радия Погодина. Она написана по воспоминаниям его ленинградского детства. Может быть поэтому Кешка кажется таким знакомым и создаётся ощущение, что, оглянувшись, обязательно его встретишь на улице. Герои Радия Погодина не идеальные школьники, они совершают некрасивые поступки, заблуждаются и хулиганят. Они обычные дети. И попав в неприятную ситуацию, они находят выход из неё и становятся лучше. Рисунки Н. Беланова. Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-152309-1

© Погодин Р. П., 1958
© Издательство АСТ, 1958

Содержание

Как я с ним познакомился	7
Кто нагрел море	10
Неприятностей не оберёшься	11
Снежинка	13
Пират	16
Чижи	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Радий Петрович Погодин

Кирпичные острова

Рассказы про Кешку и его друзей

© Погодин Р. П., насл., 2023

© Беланов Н. В., ил., 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Дизайн обложки Ю. Снурницыной

Художник Н. Беланов

* * *

Как я с ним познакомился

Есть у меня друг – замечательный человек и хороший геолог. Работает он на Севере, в Ленинград приезжает редко, писем совсем не пишет – не любит. От людей я слышал, что семья моего приятеля переехала на другую квартиру. Я поспешил по новому адресу: авось узнаю что-нибудь о товарище, а повезёт, так и его самого повидать.

Дверь мне открыл мальчишка лет восьми-деяти. Он показался мне немного странным, всё время поёживался, на меня не глядел, прятал глаза. Мальчишка сказал, что друг мой ушёл утром и ещё не приходил. Говорил он, не разжимая рта, сквозь зубы, и очень торопился. Наверное, я оторвал его от интересной игры. Ну, а мне торопиться некуда. Я вошёл в комнату, сел на диван и стал читать книгу. Прочитал страничку, прочитал другую, слышу, за стенкой кто-то запел.

Шли лихие эскадроны
Приамурских партизан...¹

Поёт человек и пусть себе поёт, если ему весело. Я сам люблю петь. Только я это подумал, как за стеной снова раздалось:

Шли лихие эскадроны
Приамурских партизан...

¹ Песня “Марш дальневосточных партизан”, слова П. С. Парфенова и С. Я. Алымова (здесь и далее прим. ред.).

Теперь он пел громче, почти кричал, а на словах «лихие эскадроны» подвывал немного и захлёбывался. Потом запевал опять и опять... и всё про партизан. Я пробовал читать книгу, но у меня ничего не получалось. Певец так завывал, что я не вытерпел, вышел в коридор и постучал в соседнюю дверь. Песня раздалась ещё громче. Я даже удивился, как это можно так петь. Я постучал ещё раз и ещё... Наконец пение прекратилось, за дверью раздалось шмыганье носом и глухой голос сказал:

– Чего?

– Послушайте, не можете ли вы петь потише?

– Ладно, – согласился певец и тут же заорал так громко, что я попятился от двери:

Шли лихие эскадроны
Приамурских партизан...

Потом началось что-то совсем непонятное. «Шли лихи-и... Шли лихи-и... Шли лихи-и...» – выкрикивал певец не своим голосом.

Я совсем растерялся. Может быть, за дверью сумасшедший? И тогда надо звать на помощь докторов, санитаров. Может быть, это очень опасный сумасшедший, и на него нужно надеть смирительную рубашку. Я осторожно приоткрыл дверь и увидел: лежит на оттоманке тот самый мальчишка, что впустил меня в квартиру, кусает подушку, бьёт ногами по валику и горланит песню. А из глаз его бегут слезы.

– Чего это ты орёшь? – спросил я.

Мальчишка стиснул зубы, сжал кулаки.

– Ухо болит. – Потом лягнул ногой и снова запел: – Шли лихи-и...

– Вот смешной! – начал было я. – Ухо болит, а ты поёшь. – Но мальчишка посмотрел на меня такими глазами, что я прикусил губу. Я догадался.

Когда я был солдатом, у меня тоже однажды заболело ухо, ночью в казарме. Плакать солдатам нельзя ни за что. Я ворочался с боку на бок, так же вот грыз подушку и сам не заметил, как раздвинул прутья на спинке кровати и сунул между ними голову. Потом боль утихла, и я уснул. А когда проснулся, то не мог встать, не мог вытащить обратно голову. Пришлось двум солдатам разжимать прутья, а ночью я разжал их один. Вот какая была боль.

Я с уважением глянул на мальчишку, а он на меня – залитым слезой глазом. Он молчал, и ему это было очень трудно.

Я бросился звонить по телефону в поликлинику. Меня долго расспрашивали, что болит, у кого болит... Наконец сказали: «Будет доктор».

Я ходил по комнате, и, как только за стеной раздавалось про партизан, я начинал подпевать. Вот так мы пели: он в одной комнате, я – в другой.

Скоро приехал врач – молоденькая чернобровая девушка в белом халате. Она сразу спросила:

– Где больной?..

Я показал на мальчишкину дверь. А он там снова загорланил про своих партизан.

– Как вам не стыдно обманывать? – рассердилась девушка доктор. – Какой же это больной, если он песни распевает таким диким образом?

– Доктор, это настоящий больной, это такой больной... – И я рассказал всё как есть. Девушка вошла в комнату к мальчишке и твёрдым голосом сказала:

– Смирно!.. Прекратить пение!

Мальчишка затих, сел на оттоманке. Сидеть смирно ему было трудно, у него всё время дёргались ноги.

Девушка-доктор налила ему в ухо пахучей жёлтой камфары, обложила ухо ватой и завязала бинтом. А меня заставила вскипятить воду для грелки.

Пока мы возились, мальчишка молчал, только губы у него шевелились: он потихоньку – про себя – пел свою песню.

Девушка доктор скоро ушла к себе в поликлинику. Больной уснул. А я сидел в комнате рядом, ждал своего друга и думал: «Что это за мальчишка, который умеет петь в такие минуты, когда взрослые и те подчас плачут?..»

Позже я узнал, что имя у него очень весёлое – Кешка, и услышал много всяких рассказов о нём и его товарищах.

Вот они.

Кто нагрел море

Когда Кешка был совсем маленьким, он ездил с мамой далеко на Чёрное море, в Крым.

Кешкина мама работала на заводе и училась в вечернем институте. На заводе ей дали путёвку, чтобы отдохнула как следует, загорела. Мама решила взять Кешку с собой. Все ленинградские знакомые говорили: «Чёрное море не такое, как наше – Балтийское. Оно громадное и очень тёплое». Ещё они говорили, что по Чёрному морю проходит государственная граница с Болгарией, Румынией и Турцией... Кешка был страшно горд оттого, что всё это увидит своими глазами.

Приехал Кешка в Крым поздно вечером и едва дотерпел до утра – так ему хотелось увидеть Чёрное море.

Рано утром мама велела Кешке надеть сандалии, и они отправились на пляж.

Море действительно было очень большое. По краям густо-синее, а посередине сверкало золотым, розовым и серебряным. Кешка сразу захотел купаться. Он скинул сандалии, майку и даже трусики. Но мама сказала:

– Подожди, нужно воду попробовать. – Она немного походила по краешку моря, у самого берега, и покачала головой. – Холодная вода, Кешка. Купаться ещё нельзя.

Кешка тоже попробовал воду ногой. Конечно, мама немного преувеличивала, но вода всё-таки холодная. Зато круглые камушки, которыми усыпан весь пляж, были тёплые. Эти камушки назывались смешно: галька.

Солнце висело ещё низко, там, где море с небом сходится, у горизонта. Но мама разделась, постелила свой халат и предложила Кешке:

– Ложись загорай, утром загар самый лучший.

Кешка лежать не захотел. Он ходил по пляжу и всё смотрел на море. Хотел увидеть болгарскую, румынскую и турецкую границы. Но так ничего и не увидел, кроме белых ленивых чаек. Мама скоро уснула, а Кешка принялся собирать гальку. Камушки были очень красивые и все, как один, тёплые.

«А что, – подумал Кешка, – если эти камушки побросать в море, оно нагреется, и тогда можно будет купаться». Он пошёл к берегу и бросил в море камень. Потом ещё и ещё.

На пляже стал собираться народ, все смотрели на Кешку и думали, что он просто балуется – пускает блинчики. А Кешка никому не говорил, какое он делает нужное дело.

Солнышко поднималось всё выше. Камушки становились всё горячее. А Кешка кидал и кидал их в воду один за другим.

Маленькие волны, которые тоже смешно назывались – «барашки», – закатывались на берег и тихо, одобрительно шуршали: «Пррравильно, малышшш-ш...»

Потом проснулась мама, посмотрела на солнышко, подошла к воде.

– Ну вот, – сказала она, – теперь вода в самый раз, можно купаться... Солнышко постаралось.

Кешка засмеялся, но спорить с мамой не стал. Мама спала и, конечно, не видела, кто нагрел море. Можно ведь ей ошибиться.

Неприятностей не оберёшься

Утром Кешку разбудили мамины холодные руки. Кешка ёжился, залезал поглубже под одеяло. Но руки настигли его и там.

Мама приговаривала:

– Вставай, соня, зима!.. Белые мухи прилетели.

Кешка высунул голову из-под одеяла.

– Обманываешь, белых мух не бывает.

Мама повернула его голову к окну, и он увидел, что за стеклом медленно летят белые хлопья. Они кружатся, обгоняют друг друга, садятся на голые ветки большой липы.

Кешка в одних трусах побежал к окну. Улица белым-бела. И трамваи, и автобусы, и «Победы», и ЗИМы – все в белых накидках. У прохожих, которые остановились почитать газету, появились на плечах пушистые белые воротники.

– Снег! – закричал Кешка. А мама засмеялась.

* * *

Было воскресенье, и Кешка сразу же после завтрака помчался во двор повидать Мишку, главного своего друга, который учился на два класса старше. И ещё надо было поговорить с Круглым Толиком, но... Первой, кого Кешка встретил во дворе, оказалась Людмила. По правде сказать, Кешка не очень-то хотел с ней встречаться. Она вечно дразнилась: «Кешка-Головешка...» А попробуй за ней погнаться – пулей влетит в свою парадную и заорёт на весь дом: «Маа-мааа!»

В другой день Кешка прошёл бы мимо Людмили, не стал бы с ней даже разговаривать. Он так и хотел сделать, но язык сам по себе взял и сказал:

– Людмила, я всё про снег знаю! Что!..

– Я тоже знаю, – ответила Людмила и поймала на варежку большую снежинку. – Снег – это такие звёздочки.

– А вот и нет!.. Снег – это замёрзлая вода. С тёплых морей к нам прилетают облака, туманы и здесь от мороза превращаются в снег.

– Врёшь, – насупилась Людмила, – всё врёшь.

Кешка взял Людмилину руку и поднёс к своему лицу.

Звёздочка дрожала на длинных шерстинках, вот-вот улетит. У неё было много лучей, некоторые напоминали копыя, а некоторые – еловые ветки.

– Кто же из воды такую сделает? – победно прошептала Людмила.

Тогда Кешка широко открыл рот и легонько, чтобы звёздочка не улетела, стал дуть... Острые концы у копий затупились, еловые ветки начали вянуть, опадать... Звёздочка съежилась, подобрала свои лучи под себя и вдруг превратилась в блестящую круглую каплю...

– Вот, не верила... – поднял голову Кешка.

Глаза у Людмили стали синими, как вода, в которой подсиняют бельё. Она топнула ногой и закричала:

– Ты зачем на мою варежку наплевал?!

– Ты что? – возмутился Кешка. – Просто снежинка растаяла.

Людмила и сама это видела, но что поделаешь, характер у неё был такой никудышный.

– Нет, наплевал, – твердила она. – Хулиган...

– Это я хулиган? – рассердился Кешка. – Тогда ты... ты... – Он ещё не придумал, что сказать, а Людмила уже выпалила:

– Кешка-Головешка!..

Кешка был мальчишка такой, как и все. И ему пришла в голову мысль такая, как и всем мальчишкам, когда их дразнят или оскорбляют. Он сжал кулаки и шагнул вперёд.

– Ах так, Людмила... Вот я тебе сейчас задам...

Но не тут-то было. Людмила, словно мышь, юркнула в свою парадную и, задрав голову, заголосила:

– Ма-а-ма-а!.. Меня Кешка бьёт!..

На крик к парадной прибежали Мишка и Круглый Толик.

– Ты ей правда поддал? – спросил Мишка.

– За что? – поинтересовался Толик.

– Не успел ещё, – огорчённо признался Кешка. – Дразнится всё время... И ещё врёт...

Тут Людмила высунула голову из парадной и скучным голосом прокричала:

– Хулиган!.. Ты зачем мне на варежку наплевал?..

Мишка и Толик посмотрели на Кешку. Оба удивлённо подняли брови.

– Опять врёт... Ничего я не плевал. – И Кешка рассказал про снежинку.

– Н-да... – произнёс Мишка и посоветовал: – Слышишь, ты с девчонками лучше не связывайся, с ними всегда неприятностей не оберёшься...

– Ну уж... – возразил Толик, – есть ведь, наверно, хорошие девчонки на свете.

– За всю жизнь не встречал, – заявил Мишка.

– А все мальчишки хулиганы!.. – прокричала Людмила из своей парадной. Но мальчишки сделали вид, будто это их не касается.

Снежинка

Кешка играл один у поленницы и уже собирался домой, когда увидел Мишку. Мишка выскочил во двор в старых, разбитых валенках. Шея у него была как попало замотана шарфом, зато расстёгнутое пальто он туго запахнул и даже придерживал рукой. Мишка был чем-то расстроен. Он часто подносил руку в пёстрой варежке к лицу, сердито сопел и тёр у себя под носом. Заметив у поленницы Кешку, Мишка подошёл к нему и, глядя себе под ноги, угрюмо произнёс:

– Кешка, ты правильный человек... Хочешь, я тебе подарок сделаю?

– Хочу, – живо согласился Кешка.

– А не откажешься? – не отрывая глаз от своих валенок, спросил Мишка.

– Кто же от подарков отказывается? – простодушно удивился Кешка. Его друг не любил бросать слова на ветер и, если заговорил о подарке, – значит, подарит. Только что?.. Кешку ужасно мучило любопытство, но в таких случаях нужно сохранять абсолютную невозмутимость и спокойствие. А Мишка между тем посопел немного, преодолевая последнее жестокое сомнение – отдавать или нет? – и решительно произнёс:

– Ладно... Только смотри – береги и заботься... Я тебе её как лучшему другу дарю. – Мишка оттянул воротник и тихо позвал: – Шкряга... Шкряга... – И вдруг из-под Мишкиного шарфа высунулась белая мордочка, дёрнула острым носом, метнула туда-сюда красными глазками и спряталась.

– Что это за чудо? – спросил Кешка.

Мишка усмехнулся и сообщил, что это вовсе не чудо, а обыкновенная белая крыса.

– Очень умная, – убеждал он. – У вас в квартире ни одной мыши не будет – всех пожрёт. А чистоplotная – ужас... Шкряга, Шкряга, – позвал он снова ласковым голосом.

Крыса опять высунулась, только теперь из рукава. Осмотрелась и вылезла вся. Была она большая, с ладонь, только гораздо уже, очень красивая – вся белая как снег. Правда, длинный хвост немного портил её: он был розоватый и весь голый.

– Шкряжечка, – приговаривал Мишка, – ты не бойся, у Кешки тебе хорошо будет: он добрый... Ты слышишь, Кешка? Колбасой её иногда корми.

– Ладно, – согласился Кешка; ему не терпелось скорее заполучить крысу. Смущало его только крысиное имя – Шкряга. – Мишка, а почему её так чудно зовут?

– Это её моя мамаша так прозвала; у неё к животным никакой симпатии нет. Хочешь, выдумай другое имя, Шкряге всё равно. – Мишка погладил крысу по снежной шкурке, вздохнул и сунул подарок в Кешкины руки.

Кешка осторожно принял зверька. А Мишка крепко потёр варежкой под носом и молча пошёл к себе на первый этаж.

Так началась эта история, немножко смешная и немножко печальная.

Первым делом Кешка дал Шкряге новое имя: теперь она называлась Снежинкой. Потом Кешка накормил Снежинку колбасой, как велел Мишка, постлал в коробку из-под ботинок вату.

– Теперь это твой дом, – сказал он. – Спи, Снежинка, – и засунул коробку с крысой под мамину кровать. Кешкина постель была на оттоманке.

Утром Кешка проснулся первым; мама ещё спала. Кешка сразу же полез посмотреть Снежинку. В коробке её не оказалось. Тогда Кешка забрался под кровать глубже – может, Снежинка спряталась там среди старых игрушек. Но крысы не было видно. Кешка выбрался обратно, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить маму, и тут он увидел Снежинку. Она сидела у мамы на груди столбиком – умывалась. Кешка так и замер.

Неприятности могут случаться в любое время суток, но самое плохое, когда они случаются утром, – считай, что весь день испорчен.

Кешка сидел у кровати ни жив ни мёртв. А мама открыла глаза, мигнула, потом крепко зажмурилась и потрясла головой. Крыса по-прежнему усердно вылизывала шёрстку и добродушно поглядывала на маму красным, как огонёк, глазом.

– Кешка, что это значит? – спросила мама шёпотом.

– Ничего... Это Снежинка...

Мама взяла крысу двумя пальцами за загривок и бросила её на Кешкину постель.

– Очень остроумно, – сказала мама сухо, потом встала, накинула халат и принялась поправлять у зеркала свои пушистые волосы. Кешка заметил, как мама смочила пальцы одеколоном и вытерла их об халат.

– Сегодня ты крысу принёс, а завтра притащишь жабу...

– Я её ещё вчера принёс, пока ты в кино была. А жабы зимой не водятся.

Снежинка тем временем перебралась с Кешиной постели на стул, со стула по скатерти на стол и принялась выкатывать с большой фарфоровой тарелки румяное яблоко.

– Сними её сейчас же со стола! – крикнула мама, поморщилась и добавила: – Если бы не этот ужасный хвост!..

Утром мама всегда очень торопилась: опаздывать на работу нельзя. Она на скорую руку завтракала и подчас даже не успевала убрать постель – это входило в обязанности Кешки.

Сегодня мама, по обыкновению, села за стол, не дожидаясь сына. Только поднесла сосиску ко рту, как тихо охнула... Выронила вилку. У неё на плече сидела Снежинка и поводила своей лукавой мордочкой. Мама стряхнула её, поднялась из-за стола и сказала ледяным голосом:

– Чтоб сегодня же крысы не было!

– Ма... – начал было Кешка.

– Никаких «ма»... – Мама ушла, напомним в дверях: – Слышал, что я тебе сказала?..

В приоткрытую дверь тянуло холодком из коридора. Расстроенный Кешка застелил постели, потом пошёл в кухню мочить веник. Там он застал такую картину.

Посреди кухни, на табуретке, стояла соседка тётя Люся в длинном халате и растерянно шептала:

– Не лезь на меня... Слышишь, не лезь! – А по её халату спокойно взбиралась Снежинка. Тётя Люся, должно быть, не нравилась ей. Стоило халату шевельнуться, как Снежинка поднимала острую мордочку и начинала фыркать.

– Ещё фыркает! – осторожно возмущалась тётя Люся. – Я тебе говорю?.. Не лезь!.. – Но Снежинка не обращала на протесты никакого внимания. Тётя Люся беспомощно закатывала глаза, трясла в воздухе полными белыми руками. Увидев Кешку, она скривила побелевшие губы. – Кешка, сними с меня это... В обморок упаду!..

Кешка испугался: падать с табурета всё-таки высоко. Он подбежал к тёте Люсе, снял Снежинку и сунул её к себе под майку.

– Что ты делаешь? – ахнула тётя Люся. – Выброси её сейчас же на помойку.

Но Кешка унёс Снежинку в свою комнату.

– Снежинка, Снежинка, не любят тебя здесь, – угрюмо рассуждал он. – И обратно тебя отдать нельзя – ты подарок.

Снежинка сидела на подушке, чесала передней лапкой за ухом, – наверно, тоже думала, как тут быть.

Кешка подмёл пол, посадил Снежинку за пазуху и понёс мусор в ведро. У дверей кухни стояла тётя Люся со шваброй в руках. Она просунула голову в кухню и ласково звала:

– Крыс, крыс, крыс... Иди сюда, маленькая.

– Её зовут Снежинка, – хмуро сообщил Кешка.

Тётя Люся смутилась.

– Подумаешь, принцесса, – проворчала она.

Потом пришёл тётин Люсин знакомый, дядя Боря. Они всегда вместе ходили на работу. Дядя Боря строго посмотрел на Кешку и сказал:

– Кешка, я всегда считал тебя серьёзным человеком, а ты с крысами возишься... Позор!

– Чего она вам сделала? – не выдержал Кешка. – Чего вы её ненавидите?

Дядя Боря поправил очки, поднял плечи.

– Как чего?.. Она же крыса...

Этого Кешка не понял. Он прижал Снежинку к своему боку и молча зашагал в ванную умываться. Пока он умывался, Снежинка шмыгала у него под ногами, залезала под тазы, под ванну. Но, когда Кешка вытерся полотенцем и стал звать её, она не выбежала к нему. Кешка облазил всю ванную. «Снежинка, Снежинка!» – звал он её и на кухне, и в коридоре – крыса не появлялась.

Через час, а может быть и через два, Кешка услышал под кроватью возню. Он, конечно бросился туда. Снежинка вытаскивала из коробки вату, и не успел Кешка ничего сообразить, как она помчалась в коридор с ватой в зубах. Кешка бросился вдогонку. Снежинка метнулась в ванную и пропала вместе со своей ношей. Кафельная плитка была разбита, на её месте темнела небольшая круглая дыра.

Вечером в кухне собрались все жильцы. Тётя Люся рассказывала, как её чуть до смерти не защекотала какая-то мерзкая крыса. Все укоризненно посматривали на Кешку, а мама переставляла на плите кастрюли так, что они гремели на всю кухню. Тётя Люся кончила рассказывать и направилась в ванную мыться. И вот тут Кешка увидел Снежинку в последний раз. Сначала в ванной раздался истошный визг, затем крик: «Не тронь, бессовестная!!!» Все бросились в ванную, Кешка – первый.

Тётя Люся стояла в ванне, подобрав полы халата; перед ней на табуретке сидела Снежинка и преспокойно отгрызала с красивой тётиной Люсиной туфли меховой помпон. Помпона на второй туфле уже не было.

Дядя Боря схватил кочергу, но Кешка загородил ему дорогу, а Снежинка спрыгнула с табурета и потащила помпон к дырке. Там она остановилась. Кешке показалось, что она посмотрела на него и подмигнула. Потом крыса засунула помпон в дырку и скрылась.

После этой истории тётя Люся целую неделю ходила в кухню, а особенно в ванную, со шваброй. Дядя Боря здоровался с Кешкой очень холодно. А Мишка, встречая своего приятеля, ожесточённо тёр под носом и говорил:

– Ладно, Кешка, не расстраивайся... Она там, наверно, гнездо свила.

Несколько раз до ребят доходили слухи, будто в соседних квартирах среди дня появляется отважная белая крыса и на глазах у людей таскает разные продукты. Мишка и Кешка очень боялись, что Снежинка попадёт в крысоловку. Но скоро слухи о ней прекратились: наверно, Снежинка навсегда ушла из этого дома.

Пират

Вечером мама шила Кешке новый костюм, а сам он сидел в коридоре и строгал себе саблю. На завтра была назначена игра в пиратов. Мишкин отряд решил захватить в плен сурового ангорского кота Горыныча. Горыныч был бродяга и бандит. Он уже несколько лет обитал на чердаках, в подвалах, неизвестно чем питался и ужасно выл по ночам на верхних площадках лестниц.

Так вот, Кешка строгал себе саблю и вдруг услышал, что в дверь кто-то потихоньку скребёт.

– Кто там? – шёпотом спросил Кешка.

За дверьми раздалось повизгивание. Кешка отодвинул задвижку, приоткрыл дверь. На площадке сидел маленький, дымчатого цвета щенок, тихо скулил и умоляюще глядел на Кешку.

– Ты чей? – шёпотом спросил Кешка.

Щенок поднялся на толстые лапы, пододвинулся к Кешке и легонько твякнул, словно хотел сказать: «Можно»?

Не мог Кешка допустить, чтобы щенок замерзал на лестнице.

Щенок просунул в щёлку толстые, словно надутые бока, встряхнулся и стал обнюхивать мамины боты, Кешкины калоши, метёлку в углу. Потом он хитро посмотрел на Кешку и неуклюже подпрыгнул сразу на четырёх лапах. Но Кешке было не до игры. Он размышлял, как бы узаконить пребывание щенка в квартире. Кешка решил начать с мамы. Дело нетрудное – взять да спросить. Но это только так кажется. Кешка долго мялся у маминого стула, потом сказал:

– Мама, а что, если бы нам с тобой щенка завести?..

– А ещё что? – не отрывая глаз от машинки, спросила мама.

– Нет, больше ничего... Знаешь, щенка. Он бы нам комнату стерёг.

Мама отложила костюм и посмотрела Кешке в глаза. Сын стоял с независимым и безразличным видом.

– Где щенок? – спросила мама.

– Щенок?.. Какой щенок? – Кешка притворился, что не понимает, а сам опустил глаза и посмотрел к маме под стул. Там сидел щенок и вилял хвостом-баранкой. Щенок, наверно, подумал, что уже всё в порядке, весело твякнул и потянул маму за юбку. Мама вытащила его за загребок из-под стула, подняла в воздух и, надув губы, сказала, как говорят маленьким детям:

– Вот мы какие...

«Понравился», – догадался Кешка. Но мама опустила щенка на пол и с сожалением покачала головой:

– Нет, Кешка, не проси... В одной комнате собаку держать нельзя.

– А мы в коридоре, – живо предложил Кешка.

Мама опять покачала головой.

– Коридор общий, соседи будут возражать.

Кешке не хотелось сдаваться так сразу. Он пошёл к тётке Люсе, к соседке.

– Тётя Люся, можно мне в коридоре щенка держать?

– Зачем тебе щенок? – Тётя Люся пожала плечами и посмотрела на дядю Борю. Дядя Боря, он был у тёти Люси в гостях, захотел посмотреть щенка.

– Люблю собак... Моя мечта – завести собаку, овчарку или сенбернара.

А Кешка пошёл к другому соседу – молчаливому шофёру пятитонки, Василию Михайловичу.

– Василь Михалыч, – постучал он. – Василь Михалыч, можно мне щенка в коридоре держать?

Василий Михайлович, высокий, до притолоки, открыл дверь, загородив своей широченой фигурой весь проход.

– Стоящий зверь? – спросил он глухим басом.

Кешка задрал голову – иначе на Василия Михайловича смотреть было нельзя.

– Хороший щенок, – кивнул он, – пузатый и хвост колесом.

– Хвост – это не доказательство, – прогудел Василий Михайлович. – Пойдём обозреть...

Кешка побежал впереди, Василий Михайлович бухал тяжёлыми ботинками за ним.

В Кешкиной комнате уже сидели тётя Люся и дядя Боря.

– Собака – моя мечта, – говорил дядя Боря, – особенно сенбернар.

Тётя Люся тискала щенка и приговаривала:

– Куси, Мурзик, куси... Ну-у, куси, – и совала щенку свой палец с красным ногтем.

– Это и не Мурзик вовсе, – обиделся за щенка Кешка. – Это... это Пират.

Василий Михайлович присел на корточки, осмотрел щенка.

– Такого зверя на улицу выбрасывать преступление, – наконец сказал он. – Овчарка чистой породы.

– Овчарка – моя мечта, – снова сказал дядя Боря.

– Пусть остаётся, – согласилась тётя Люся, – если не будет гадить... Смотри у меня!.. – погрозила она щенку. А он вильнул хвостом, – мол, согласен и... пустил лужу.

Мама засмеялась, тётя Люся поморщилась, дядя Боря вдруг начал протирать очки, а Василий Михайлович посмотрел на щенка с ухмылкой и сказал:

– Серьёзный зверь... Живи.

Таким образом, щенок был водворён в квартиру. Кешка весь вечер кормил его, чистил, даже позабыл про свою саблю. Мечтал вырастить из Пирата грозного пограничного пса.

На следующий день Кешка вышел со щенком во двор. Старенькая дворничиха, тётя Настя, подметала большой метлой щепки. Кешка важно водил щенка на верёвочке, поджидал Мишку. Мишка пошёл со своим третьим классом на экскурсию в железнодорожный музей. Кешка ждал терпеливо: пусть Пират воздухом дышит – закаляется. Наконец Мишка появился, ещё издали помахал Кешке портфелем.

– Это твой?..

И полез щекотать щенка за ухом.

– Хороший пёс... Как его зовут?.. Давай из него ищейку воспитаем, а?

– Ладно, – согласился Кешка.

Подоспел и Круглый Толик.

– Надо ему испытание сделать, – сказал он. – Дайте ему что-нибудь понюхать.

Мишка поставил под нос Пирата свою ногу.

– Нюхай, Пират... Ну, нюхай...

Но Пират вцепился Мишке в штанину и начал мотать головой во все стороны и рычать. Мишка кое-как вырвался от него и быстро спрятался за поленницу.

– Ищи, Пират! – скомандовал Кешка. Щенок натянул верёвку и бросился к дровам. Ребята бежали за ним. Пират обогнул поленницу, где спрятался Мишка, и понёсся дальше.

– Не туда! – кричал Кешка.

Вдруг с поленницы прямо на Пирата свалился Горыныч. Кешка выпустил поводок. Потом они с Толиком бросились было спасать щенка, но Горыныч так громко зашипел и так распушил свой хвост, что столкновение с ним грозило кончиться плохо. Пират пустился бежать, но Горыныч одним прыжком настиг его и повалил. Щенок жалобно заскулил, а кот стал над ним, покатав его лапой, словно клубок ниток, и уселся рядом.

– Мишка! – закричал Толик. – Горыныч Пирата заест!

Мишка вынырнул из-за поленницы мгновенно. Он замахнулся на кота портфелем, но тот не подумал бежать, только припал к земле, выпустил когти и забил хвостом. Ребята чуть отступили. А кот присел и нетерпеливо подтолкнул Пирата лапой. Щенок, подвывая от страха, встал и заискивающе вильнул хвостом. Кот довольно заурчал. Щенок заработал хвостом ещё энергичнее, даже твякнул легонько.

Мальчишки глазам не верили: беспощадный Горыныч и щенок выделяли такое, что ребята покатывались со смеху. Когда щенок особенно расхотелся и позволял себе непочтительно куснуть Горыныча за хвост, тот валил его своей сильной лапой и показывал острые клыки.

Мальчишки подталкивали друг друга локтями, а Мишка то и дело восклицал:

– Чудеса!.. Расскажи – не поверят. – Он повертел головой, высматривая, кого бы пригласить на это удивительное зрелище... Но во дворе была только дворничиха тётя Настя, да ещё шли из магазина к своей парадной Людмила с матерью.

У Людмили любопытства на целый класс. Она подскочила к ребятам, спросила:

– Чего это вы смеётесь? – и вдруг закричала: – Мама, смотри, это кот нашего щенка треплет!

– Как это вашего? – возмутился Кешка.

– А так нашего, – передразнила его Людмила, – из нашей квартиры.

Подоспевшая Людмиликина мать поставила сумку на чистую сосновую плаху и возмущённо заговорила, обращаясь к подметавшей двор тёте Насте:

– Как вам понравится?.. Этот щенок сорок рублей стоит, а они его с котом стравили.

Тётя Настя глянула на щенка.

– А-а... ничего с ним не сделается, – и хмуро добавила: – Деньги людям девать некуда.

– Нет, вы рассудите здраво, – не унималась Людмиликина мать. – За щенка большие деньги отдали, а они его этому чудовищу бросили на растерзание... Отберите сейчас же щенка! – топнула она ногой.

Но у ребят не было никакого желания связываться с котом, к тому же Горыныч не сделал щенку ничего плохого.

– Позови Николая Петровича, – приказала Людмиликина мать дочке.

Людмила со всех ног бросилась на лестницу. Ребята стояли и недружелюбно поглядывали ей вслед.

«Отберут теперь щенка», – думал Кешка.

Скоро во дворе появилась Людмила в сопровождении худощавого мужчины в макинтоше. Это был Людмиликин сосед, не то артист, не то инженер, ребята толком не знали.

– Что здесь происходит? – спросил мужчина.

– Ваш щенок, – ответила Людмиликина мать. – Мы вчера обыскались, а он вот, щенок... Его это чудовище грызёт.

– И вовсе не грызёт, – поправил её Мишка. – Это они играют... Пират и Горыныч.

– Нечего сказать, компания, – сердито проворчал мужчина. – Какой он вам Пират?.. – Мужчина шагнул вперёд, и кот не мог с ним спорить. Кот отступил. А Людмиликин сосед подхватил щенка на руки. Он гладил его и приговаривал: – Обидели тебя, Валет... Мы им... – Потом повернулся к ребятам: – Если вы ещё раз коснётесь его, уши оборву!

Хозяин щенка и Людмиликина мать пошли к лестнице. Людмила показала мальчишкам язык.

Друзья сели на сосновую плаху.

Уши у Кешки горели, словно их и в самом деле оттрепала чья-то грубая рука.

Круглый Толик ковырял ногой кору на полене.

– Может, в пиратов сыграем... – предложил он равнодушно. Но играть в пиратов у ребят не было уже никакой охоты.

Напротив, на поленнице, стоял Горыныч. Одичавший бродяга-кот печально смотрел в сторону лестницы, и его отмякшее на минуту сердце, наверное, снова заполнялось злостью.

– А у него раньше другое имя было, – сказал вдруг Мишка, – Барсик... – и уважительно добавил: – Барс...

Чижи

Случилось это так. Вечером прибежал Мишка. Он постучал, потому что побаивался Кешкиной мамы. Значит, Мишка постучал, просунул в дверь голову, обвёл комнату глазами и сказал:

– Кеш... Ты один?

Кешка соскочил с оттоманки: он читал «Р. В. С.»

– Один.

Мишка был уже в комнате.

– Кешка, выручи до завтра!

– А как тебя выручить?

Мишка извлёк из-под пальто картонную коробку с дырками, проткнутыми гвоздём.

– Подержи до утра чижей, а то моя мамаша говорит: «Выгоню вместе с чижами...» Я завтра их в школе выпускать собираюсь, завтра День птиц, понимаешь?..

– Понимаю.

– Я уж у матери просил-просил. – Мишка прижал к груди коробку и заговорил ноющим голосом, каким, по обыкновению выпрашивал что-нибудь у своей матери: – Не может ещё одну ночь потерпеть... – потом добавил с тревогой: – Может, и твоя мать не захочет?

– Её нет дома, – успокоил его Кешка. – Она сегодня в вечернюю смену. – Кешке очень хотелось посмотреть чижей. Он заглядывал в дырочки, но в коробке было темно и тихо. – Мишка, может, они задохнулись?..

– В том-то и дело, – серьёзно подтвердил Мишка. – В коробке им воздуха мало, их надо между рам пустить... А моя мамаша, знаешь?..

– А моя ничего, – заторопился Кешка, – она чижей любит. – Ему очень хотелось, чтобы птицы побыли у него.

Мишка подумал чуточку и пошёл обследовать окно. Расстояние между стёклами было большое, в самый раз.

– Крупа у тебя есть? – спросил он.

Кешка с готовностью полез в буфет.

– Есть, есть... Какую надо?..

– Пшеница лучше всего.

Кешка достал железную банку с пшеном, спрыгнул со стула и протянул её Мишке. Мишка заглянул в растворённую дверку буфета.

– А в тех банках что?

– Рисовая, гречневая, манная, перловая...

– Ишь ты, – Мишка покачал головой и улыбнулся. – Давай чижам ассорти дадим.

– Такого нет, – сказал Кешка.

Мишка никогда не смеялся и не сердился, если Кешка чего-нибудь не знал.

– Такого отдельно и не бывает. Ассорти – это когда всех сортов понемногу.

– Понял, – закивал головой Кешка и полез в буфет за остальными банками.

Мишка насыпал между рамами всех круп по горсточке, добавил даже толстой разноцветной фасоли для красоты. Потом плотно закрыл окно, проверил форточки. Всё было как надо. Мишка развязал нитку на коробке, приподнял крышку и засунул туда руку. Кешка, не отрываясь, затаив дыхание следил за ним. Мгновение – и из Мишкиного кулака уже выглядывает удивлённая взъерошенная головка чижа. Первый чиж очутился между рамами. Кешка бросился смотреть его. А Мишка уже доставал другого. Скоро за стёклами сидели все четыре чижа. Серенькие, маленькие, с зеленоватыми грудками. Они порхали вверх, вниз, поднимали

невесть откуда взявшуюся пыль. Скакали по крупяному ассорти, совсем не обращая на него внимания, словно это был не корм, а уличный песок.

– Мишка, почему они не едят?

– Сытые, – ответил Мишка. Они ещё несколько минут постояли у окна, поглядели, как порхают и возятся за окном шустрые чижи. Потом Мишка схватил шапку, заторопился домой. – Арифметику ещё надо доделать, – сказал он на прощание. – Значит, до завтра... Я рано приду, утром...

Когда Мишка ушёл, Кешка поставил к окну стул и смотрел на чижей, пока они не угомонились и не уснули, спрятав носы в перья. Птицы ложатся спать гораздо раньше людей... Зато и встают они... Но об этом дальше.

Кешка сквозь дрему видел, как пришла мама с работы, как легла спать. Потом ему стало душно; он проснулся, встал с постели, хотел открыть форточку и вспомнил про чижей. Мама спала чуть приоткрыв рот; щёки её разругались, – наверно, и ей было душно. Но ведь форточку открывать нельзя – чижи улетят. Кешка подумал-подумал, что ему делать, и уселся у окна, решил сторожить форточку до утра. Кто знает, усни он, мама встанет и откроет. Что тогда Мишка скажет? Кешка долго смотрел на спящих птиц, на серое небо, на яркую зеленоватую звезду Вега. Потом всё это закружилось и куда-то пропало, словно на окно накинули плотную штору. А под утро Кешка увидел сон. Будто идёт он с Мишкой в школу выпускать чижей. Чижи поют песни, Мишка поёт, и он, Кешка, подпевает. Такое веселье вокруг, и вдруг мамин голос: «Безобразия!»

Кешка открыл глаза. В комнате светло и стоит такой гвалт, хоть уши затыкай. Чижи горланили в четыре глотки, и даже удивительно: маленькие птахи, а шумят, будто целый птичий базар.

Они били крыльями, лушили крупу и долбили носами в стёкла.

Над домами плыли розовые облака; солнце, должно быть, ещё едва поднялось над землёй.

Мама закрыла уши подушкой и просила, не размыкая глаз:

– Кешка, прогони птиц с окна... Чего это они у нашего окна раскричались?..

Кешка растерялся.

– Ма, их нельзя прогнать, – наконец пробормотал он, – сегодня День птиц.

Мама села на кровати и увидела, что Кешкина постель пуста.

– Опять твои фокусы?.. Должна я отдохнуть или нет?..

– Должна, – согласился Кешка.

– Тогда прогони птиц... сейчас же!

– Нельзя ведь, – упавшим голосом запротестовал Кешка.

– Тогда я сама прогоню!

– Мама, – закричал Кешка, – чужие чижи!.. – Но мама потянула на себя первую раму и тут же отскочила от окна. Чижи, как ошалелые, ринулись в комнату. Они садились на абажур, на картины, скакали по столу, пищали и пели.

– Гони их! – кричала мама.

– Лови! – кричал Кешка.

Мама гоняла чижей полотенцем, как мух... Вдруг в прихожей тихонько звякнул звонок. Мама вопросительно посмотрела на Кешку и пошла открывать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.